
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

CURRENT ISSUES OF CRIME COUNTERACTION

УДК 343.9.02

DOI [10.17150/1996-7756.2014.8\(4\).46-53](https://doi.org/10.17150/1996-7756.2014.8(4).46-53)

БОРЬБА С ПРЕСТУПНЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ: АМЕРИКАНСКИЙ ОПЫТ И РОССИЙСКИЕ РЕАЛИИ

В.А. Номоконов

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления
20 сентября 2014 г.

Дата принятия в печать
13 октября 2014 г.

Дата онлайн-размещения
29 декабря 2014 г.

Ключевые слова

Организованная преступность;
преступные организации
(сообщества); Закон
о противодействии организованной
преступности; рэкетирская
деятельность; схема рэкетирской
деятельности; сговор

Финансирование

Научные результаты получены
в рамках выполнения государственного
задания № 29.763.2014/К
Министерства образования и науки
Российской Федерации

Аннотация. Серьезный потенциал для возможной оптимизации уголовной политики в области борьбы с организованной преступностью содержится в позитивном опыте, накопленном другими странами, в том числе США. Возникшая первоначально как единое, иерархически структурированное сообщество, американская организованная преступность сегодня — это сложные сетевые структуры, объединяющие большое число членов, вовлеченных в разные схемы преступного бизнеса. Закон РИКО направлен прежде всего на разрушение финансовой мощи преступных организаций. Раскрываются ключевые понятия закона: «рэкетирская деятельность», «предприятие», «схема рэкетирской деятельности», «сговор». В законе РИКО содержится определение не обычного, а специфического организационного сговора, который предполагает договоренность между двумя или более лицами и общую преступную цель. В законе РИКО криминализировано поведение, в котором проявляется организованная преступная деятельность, а не собственно участие в организованной преступной группе. Однако спорный момент закона — введенная оговорка о свободной интерпретации.

В России можно было бы опереться если не на всю концепцию РИКО, то хотя бы на некоторые ее ключевые идеи, в частности на идею об ответственности организаций за поведение входящих в нее членов, об уголовной ответственности юридических лиц и т.д. Во всяком случае в России тоже нужен специальный комплексный закон «О борьбе с организованной преступностью», и важно, что проект такого закона уже разработан. Он отражает принципиально новый подход к борьбе с организованной преступностью и выражает назревшие общественные потребности.

THE FIGHT AGAINST CRIMINAL ORGANIZATIONS: AN AMERICAN EXPERIENCE AND A RUSSIAN REALITY

Nomokonov, Vitaly A.

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation

Article info

Received
2014 September 20

Accepted
2014 October 13

Available online
2014 December 29

Key words

Organized crime; criminal
organizations; fight against an
organized crime; racketeering activity;
structure of the racketeering activity;
agreement to commit a crime

Financing

Scientific results obtained in the
framework of the state task of The
Ministry of education and science
of Russian Federation, the task
№ 29.763.2014/К

Abstract. A serious potential for a possible optimization of the criminal politics in the field of fight against an organized crime contains in the positive experience, which belongs to different countries and the USA. Having originated as a hierarchically structured community nowadays the American organized crime is a complex network structures that combine a large number of members involved in the various schemes of criminal business.

Given that the main goal of organized crime is getting huge profits RICO is aimed primarily at the destruction of the financial power of criminal organizations. The main ideas of RICO are given here: «the racketeering activity», «enterprise», «the structure of the racketeering activity», «the agreement to commit a crime». The RICO contains a definition of not the usual but specific «institutional collusion» which involves an agreement between two or more persons and the general criminal purpose. The RICO Law criminalizes behavior which manifests itself organized criminal activity but actual participation in an organized criminal group.

In Russia it will be possible to be supported on the conception of RICO or on its main ideas, for example the responsibility of the members of organizations, criminal responsibility of the artificial and so on. In any case, Russia also needs a special comprehensive law «On Combating Organized Crime» and it's important that Bill of the Law had been developed. It reflects a new approach to the fight against organized crime and expresses the urgent social needs.

Проблема оптимизации борьбы с организованной преступностью остается актуальной для нашей страны последние 30 лет. Этой теме были посвящены многочисленные научные труды, конференции, рабочие совещания и т.п. По итогам работы круглого стола «Противодействие организованной преступности: законодательный и практический аспекты», проведенного в марте 2013 г. в Государственной Думе, были приняты важные решения о необходимости кардинальных мер по повышению эффективности действующего в РФ механизма противодействия преступлениям, совершаемым организованными преступными формированиями. Полезный разговор в развитие этой темы состоялся летом 2013 г. в Иркутске в рамках круглого стола «Актуальные вопросы противодействия организованной преступности на законодательном и правоприменительном уровнях».

Об актуальности проблемы свидетельствует и проведение 1 октября 2014 г. в Генеральной прокуратуре координационного совещания правоохранительных органов страны, которое было посвящено вопросам борьбы с организованной преступностью. На совещании было отмечено, что в период с 2012 г. по первое полугодие 2014 г. в составе организованных групп совершено более 41 тыс. преступлений. В то же время количество выявленных преступлений, совершенных преступными сообществами и организациями, оказалось совсем незначительным — 2 883. Вообще, в последние годы отмечается последовательное снижение количества зарегистрированных преступлений данной категории. Так, число выявленных преступлений, совершенных организованными преступными группами (ОПГ) и преступными сообществами, в 2013 г. на 4,2 % меньше уровня 2012 г. (17 266 и 18 016 соответственно). В первом полугодии 2014 г. снижение составило 14,6 % (9 106 против 10 670). Приведенные данные свидетельствуют отнюдь не о снижении остроты проблемы, а, скорее, об обратном [4].

Представляется, что серьезный потенциал для возможной оптимизации уголовной политики в области борьбы с организованной преступностью содержится, в частности, в позитивном опыте, накопленном другими странами, в том числе США. Надо сказать, что далеко не весь арсенал уголовно-правовых средств, успешно применяемых в США для противодействия

преступным организациям, должным образом исследован в аспекте возможности применения в нашей стране. Так, в недавней фундаментальной работе П.В. Агапова, посвященной проблемам ответственности и противодействия организованной преступной деятельности, в разделе, где анализируется положительный зарубежный опыт, Соединенным Штатам места не нашлось [2; 3]. В этой связи возникает необходимость вернуться к данной теме. Ранее мы уже имели возможность обратить внимание на это обстоятельство при анализе уголовного законодательства США [14, с. 52–57].

Сегодня уже достаточно очевидно, что организованная преступность — и не только в США, но и в целом в мире (в том числе в России) — явление, которое играет все более деструктивную роль в жизни общества. Как было отмечено, например, на 12-м Конгрессе ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию (2010 г.), организованная преступность превратилась в вид деятельности, макроэкономические аспекты которой сравнимы с национальным доходом многих стран и товарооборотом крупнейших корпораций мира. Отсюда возникает необходимость адекватного противодействия этой угрозе со стороны государства.

Известно, что организованная преступность существует в США почти с самого начала XX в., есть сведения, что она была и ранее — в XIX в. С начала и примерно в первые два десятилетия XX в. организованная преступность в стране охватывала главным образом игорный бизнес, проституцию и другие виды деятельности, связанные с эксплуатацией человеческих пороков. Проблема организованной преступности вышла на первый план в 60-е гг. XX в. Возникнув в свое время как достаточно локальное явление, до сухого закона она еще не распространяла широко свое влияние. Впоследствии преступные организации стали приспосабливаться к новым реалиям, «оседлав» острый спрос на нелегальный алкоголь. Добавим к сказанному, что организованная преступность в США первое время проявлялась в виде этнических группировок, в особенности итало-американских. Поэтому не случайно вскоре родилась известная концепция «иностранный преступный сговор», которая представила организованную преступность как тайное сообщество иностранных этнических групп, объединенных в единую иерархическую

структуру «семей». Организованная преступность выглядела в то время как единое сообщество, иерархически структурированное и проникающее в мир легального бизнеса [18].

Сегодня организованная преступность в США — это в большей степени конфедерация небольших группировок, связанных между собой по преимуществу экономическими отношениями. В настоящее время наиболее распространенными видами преступной деятельности в США являются торговля наркотиками, организация проституции, нелегальной миграции, мошенничества с кредитными карточками, а также обман в сфере страхования [12].

Как отмечалось в докладе Национального центра изучения организованной преступности, в последние годы в США количество ОПГ увеличилось. Сегодня целый ряд преступных организаций — это сложные сетевые структуры, объединяющие большое число членов, вовлеченных в разные схемы преступного бизнеса. Они нередко интегрированы в международные преступные сообщества. Деятельность ОПГ становится все более жестокой. Структуры группировок становятся более гибкими, более приспособленными к изменениям ситуации. Они часто используют передовые технологии для повышения конспиративности общения между собой, вовлечения новых членов и т.п. Если в 2008 г. в Штатах орудовало до 20 тыс. банд численностью до миллиона человек, то уже в 2011 г. количество ОПГ перевалило за 33 тыс., а общая численность их членов составляет почти полтора миллиона человек [5].

Конгресс США в свое время был вынужден законодательно выделить организованную преступность из преступности обычной, так как в сложившейся острой ситуации потребовалась более жесткая реакция. В 1970 г. был принят известный «Закон о контроле над организованной преступностью». Раздел IX этого закона «Организации, связанные с рэкетом и коррупцией» (The Racketeer Influenced and Corrupt Organizations Act) текстуально включен в качестве гл. 96 в разд. 18 Свода законов США. В России он получил название «закон (статут) РИКО». Сегодня большинство штатов имеет свои законы РИКО [16, с. 98].

Разработчики закона РИКО правильно определили главное направление в борьбе с названным опаснейшим явлением. С учетом того что основная цель организованной преступности —

извлечение сверхдоходов, закон стремится разрушить финансовую мощь преступных организаций.

Острые закона РИКО направлено прежде всего против преступных организаций в целом, а не против отдельных лиц. Наряду с привлечением к ответственности физических лиц называется еще более важная цель — уничтожение криминальной организации как таковой.

Закон РИКО — довольно сложная юридическая конструкция, включающая ряд основных определений:

1. «*Рэкетирская деятельность*» («бандитизм», «организованная преступная деятельность») — это конкретные преступления, совершение которых влечет за собой применение закона РИКО.

Всего в общем списке в настоящее время свыше 50 видов преступлений, предусмотренных как федеральным законом (более 40 видов преступлений), так и законами штатов (9 видов). Это различные противоправные деяния, которые законодатель считал как бы маркерами деятельности организованной преступности, в их числе убийство, похищение людей с целью выкупа, поджог, ограбление, преступления, связанные с наркотиками, взяточничество, вымогательство, фальшивомонетничество, отмывание денег, организация проституции и т.д.

Необходимо только, чтобы перечисленные в законе преступления имели санкцию в виде лишения свободы на срок не менее года. Предварительного осуждения или признания виновным не требуется.

2. «*Предприятие*» — это любое легальное объединение, любой союз или группа лиц, связанных фактически, хотя и без юридических на то оснований. Примечательно, что предприятием может быть признано как предусмотренное законом объединение, так и нелегальная ассоциация людей, объединившихся исключительно ради преступных целей.

Предприятием согласно п. 4 § 1961 может быть признано даже отдельное физическое лицо, если оно наделено правами юридического лица.

3. «*Система*» («схема», «состав») *рэкетирской деятельности* может состоять из любой комбинации двух или более преступлений, указанных в федеральном законе или законе штата, которые были совершены на протяжении определенного времени. Это по крайней мере два эпизода рэкетирской деятельности, один из

которых произошел после вступления в силу настоящего закона, а последний — в течение десяти лет с момента совершения предыдущего акта рэкетирской деятельности. «Система» имеет место, когда лицо совершает два «предикатных» («сигнальных») преступления в течение десяти лет. Однако необходима еще и некая «связанность» двух актов и «наличие угрозы продолжения преступной деятельности» [18; 20, р. 18]. То есть речь идет о том, что они должны иметь отношение друг к другу и являться частью систематической преступной деятельности.

4. Помимо основных, закон РИКО имеет четыре важных дополнительных положения, содержащих самостоятельные составы преступлений:

(а) вложение прибыли (прямое или косвенное) в предприятие, вовлеченное в межштатную или зарубежную коммерцию или деятельность, любой доход, полученный путем систематической преступной деятельности или посредством взыскания незаконного долга;

(b) получение и сохранение за собой доли в предприятии, вовлеченном в межштатную или зарубежную коммерцию или деятельность посредством систематической преступной деятельности или путем взыскания незаконного долга;

(с) руководство делами предприятия или участие, прямое или косвенное, в управлении ими посредством систематической преступной деятельности или путем взыскания незаконного долга.

Следует подчеркнуть, что в делах, связанных с уголовным преследованием преступных организаций, нарушающих вышеназванный пункт закона, предприятие выступает уже как нарушитель, а не как потерпевшее лицо. В известном деле «США против Туркетте» Верховный суд США со всей определенностью указал на то, что предприятие не обязательно должно заниматься каким-либо законным бизнесом.

Фабула этого дела такова. Девяти человекам было предъявлено обвинение в образовании организации для осуществления преступной деятельности и совершении целого ряда преступлений. Апелляционный суд округа не нашел оснований для применения закона РИКО, поскольку, по мнению суда, он не распространяется на преступные предприятия. Как посчитал суд, поскольку § 1962 (а) и (b) применимы лишь к легальному предприятию, то и § 1962 (с), инкриминируемый виновным, также должен применяться только к законным предприятиям. Верховный суд США за-

нял иную позицию, сославшись на то, что «ограничительное толкование предприятия как организации, действующей только в сфере легальной экономики, привело бы к игнорированию профилактической функции статута» [11].

Наконец, это (d) вступление в сговор с целью совершить вышеуказанные деяния. Конструкция преступного сговора весьма важна для уголовного преследования лидеров организованной преступности, ибо хотя они и руководят преступной организацией, сами непосредственно редко нарушают закон [19].

Нормы о преступном сговоре сформулированы так, чтобы можно было привлечь к ответственности фактических лидеров и боссов преступной среды. Сговор предполагает договоренность между двумя или более лицами и общую преступную цель. Примечательно, что по статуту РИКО сам факт сговора считается самостоятельным оконченным преступлением независимо от последующих действий соучастников.

Как показывает практика, нормы, касающиеся обычного сговора, неэффективны в борьбе с организованной преступностью, так как в преступной организации могут наблюдаться самые разные варианты объединения преступных намерений. Из-за отсутствия единой коллективной преступной цели всю группу невозможно было привлечь к ответственности.

Любопытно, что в законе РИКО содержится определение не обычного, а специфического организационного сговора. Понятие сговора в законе не предполагает совершения единичного предикатного преступления. Это договоренность лишь об участии в делах предприятия путем совершения двух и более актов организованной преступной деятельности для достижения целей этого предприятия. Причем не важно, охватывалась ли умыслом виновного преступная деятельность других членов и то, в какие именно преступления было вовлечено предприятие. Требуется лишь доказать, что лицо связано с криминальным предприятием совершением двух актов организованной преступной деятельности.

Названный подход имеет существенное преимущество при привлечении к ответственности участников ОПГ по сравнению с обычным подходом к правовой оценке поведения лиц, действующих индивидуально. Ответственность за преступления организации в этом случае должны нести все ее члены. Здесь также возни-

кает возможность объединить дела всех членов организации в одно производство, чего раньше не допускалось. Введение законом понятия организационного сговора позволяет рассматривать преступную организацию как единое целое.

5. «Свободная интерпретация». Она заключается в том, что в законе РИКО не дается определения понятия «организованная преступность».

Определения закона чрезвычайно широки и не ограничиваются традиционной концепцией организованной преступности. Большинство американских юристов пришли к выводу, что «конгресс создал гибкий нормативный акт, представляющий множество возможностей для разнообразных толкований, что позволяет преследовать любые проявления организованной преступной деятельности» [18].

Принципиальный момент: в законе РИКО криминализировано поведение, в котором проявляется организованная преступная деятельность, а не собственно участие в организованной преступной группе. Следовательно, основанием для привлечения к ответственности по закону РИКО служит именно поведение, а не разновидность преступной группы, степень ее сплоченности, этнический состав или что-то иное. Это существенно отличает законодательный подход к уголовно-правовой оценке организованной преступной деятельности в США и в России, что должно послужить поводом для сравнительного анализа и отыскания оптимальной правовой модели борьбы с организованной преступностью.

Еще одним не менее важным, хотя и довольно спорным моментом является введенная законом оговорка о свободной интерпретации. Согласно ей положения закона РИКО могут свободно интерпретироваться для достижения предусмотренных в нем целей. Надо сказать, что столь широкий простор для судебного усмотрения во многом связан с традициями прецедентного права и, надеемся, вряд ли возможен в праве континентальном, во всяком случае, российском.

Следует подчеркнуть, что в этой части закон носит чрезвычайный характер и не имеет других аналогов. Оговорка о свободной интерпретации — следствие официального признания невозможности однозначного определения такого сложного понятия, как «организованная преступность». Это хорошо знакомо и нашим российским экспертам, ученым и практикам.

Отметим, что подобные неопределенные формулы закона вызывали и вызывают небезосновательную критику. Так, некоторые специалисты полагают, что, несмотря на полезность и своевременность РИКО, неопределенность и широта его формулировок чреватые судебным произволом. Против РИКО выдвигаются различные замечания. Во-первых, он заходит слишком далеко, приводя к необоснованному расширению уголовной ответственности за счет лиц, которые хотя и совершают преступления, но никак не связаны с организованной преступностью. Во-вторых, применение РИКО может приводить к замораживанию активов юридических лиц до судебных слушаний и, соответственно, к выводу той или иной компании из бизнеса. Такие компании провоцируются на признание своей вины даже при ее фактическом отсутствии. В-третьих, обвинение перед судом на основании РИКО ставит на подсудимом задолго до приговора клеймо рэкетира, хотя это может не соответствовать действительности. Делаются также различные предложения о реформировании данного института, однако общего, устраивающего всех решения пока не найдено [1, с. 542; 20, р. 102].

В качестве некоей государственной гарантии против произвольного применения закона РИКО в рамках Управления по уголовным делам Министерства юстиции США было создано специальное подразделение — Отдел по борьбе с организованной преступностью и рэкетом (OCRS), чьей задачей является контроль применения закона РИКО. Автор в свое время имел возможность лично ознакомиться с опытом работы этого подразделения. Дела, где предполагается применение статута РИКО, не могут быть возбуждены без санкции отдела, который призван скрупулезно проверить как фактические обстоятельства дела, так и возможную применимость РИКО к этому делу.

По большому счету, данный закон оказался эффективным. Его рассматривают как один из самых продуктивных инструментов для уголовно-правовой борьбы с организованной преступной деятельностью. С момента вступления в силу закона РИКО в США значительно увеличилось число возбужденных уголовных дел против участников ОПГ. Уголовному преследованию, помимо прочих, подверглись и члены пяти нью-йоркских «семей» «Коза Ностра», а также пре-

ступных группировок во многих других городах США [1, с. 542; 15, с. 32; 18].

Активизация и расширение масштабов деятельности преступных организаций, включающих выходцев из России и бывшего СССР, не могли не затронуть и США. Если в 1995 г. их правоохранительные органы вели всего 35 уголовных дел, связанных с российскими группировками, то в 1996 г. число таких дел выросло уже до 260 [10; 13, с. 46]. Попутно выявилась своя проблема: в отличие от других криминальных структур, выходцы из бывшего СССР объединяются в нетрадиционные чрезвычайно аморфные, подвижные и гибкие сетевые структуры.

Сегодня на повестку дня снова выходит проблема тщательного изучения и максимального использования в российском законодательстве зарубежного положительного опыта, включая американский закон РИКО. Правда, с точки зрения российского антикоррупционного законодательства подобный законопроект вряд ли прошел бы антикоррупционную экспертизу как раз из-за содержащихся в РИКО весьма неопределенных оценочных признаков организованной преступной деятельности.

В России можно было бы опереться если не на всю концепцию, то хотя бы на некоторые ее ключевые идеи, в частности на идею об ответственности организаций за поведение входящих в нее членов, об уголовной ответственности юридических лиц и т.д. Также остается актуальной и задача более полного приведения УК России в соответствие с международными нормами.

Можно перечислить наиболее явные несоответствия ряда норм УК РФ положениям Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности. Во-первых, это различные определения организованной преступной группы. Согласно ст. 2 Конвенции организованная преступная группа означает «структурно оформленную группу в составе трех или более лиц, существующую в течение определенного периода времени и действующую согласованно с целью совершения одного или нескольких серьезных преступлений или преступлений, признанных таковыми в соответствии с настоящей Конвенцией, с тем чтобы получить, прямо или косвенно, финансовую или иную материальную выгоду» [7].

В УК РФ указанные признаки распространены (в соответствии с изменениями, внесенными

3 ноября 2009 г.) только на преступную организацию (сообщество).

Во-вторых, в ст. 8 Конвенции, посвященной криминализации коррупции, состав взяточничества является более широким. Предмет взятки образуют не только имущественные блага, но и любые неправомерные преимущества. Объективная сторона взяточничества в Конвенции включает в себя не только собственно коррупционные действия, но и «обещание, предложение либо вымогательство» указанного неправомерного преимущества. В этой связи следует поддерживать предложения о соответствующей модернизации положений действующего УК [9, с. 128].

В-третьих, ст. 10 Конвенции рекомендует, наряду с другими Конвенциями, ввести в законодательство институт ответственности юридических лиц. Этого пока не сделано.

В-четвертых, ст. 12 Конвенции обязывает государства предусмотреть в национальных нормах конфискацию:

- доходов от преступлений, охватываемых Конвенцией, или имущества, стоимость которого соответствует стоимости таких доходов;
- имущества, оборудования или других средств, использовавшихся или предназначенных для использования при совершении преступлений, охватываемых настоящей Конвенцией.

Уже стал общим местом призыв к восстановлению конфискации в системе наказаний, которая необходима, помимо других случаев, также и за участие в преступных организациях [8]. Американский опыт свидетельствует о больших резервах, которые могут быть задействованы, помимо прочего, с помощью конфискации доходов, добытых преступным путем. Весьма интересной представляется также идея определенного заимствования правовой концепции преступного сговора как признака объективной стороны преступного сообщества (преступной организации). Вероятно, это бы в значительной степени облегчило задачу доказывания наличия самого преступного сообщества (организации).

В настоящее время проблема принятия в нашей стране соответствующего федерального закона о борьбе с организованной преступностью вновь актуализировалась. Признано целесообразным принять на федеральном уровне специальный комплексный закон «О борьбе с

организованной преступностью». Заслуживает поддержки решение Госдумы РФ вернуться к рассмотрению данного вопроса в ближайшее время. Хотелось бы также обратить внимание депутатского корпуса Госдумы на то, что проект указанного закона [6, с. 623–645] был подготовлен сравнительно недавно (в 2007 г.) рабочей группой во главе с А.И. Долговой. Нами был проведен научный анализ указанного законопроекта. Исследование показало, что в целом законопроект представляет собой попытку цельного, системного и комплексного противодействия организованной преступности. Он опирается на единую научно обоснованную концепцию борьбы с данным опасным явлением, представляет собой логическое завершение многолетних исследований данной проблематики группой ведущих криминологов страны. Проект отража-

ет назревшие социальные потребности иного, качественно нового подхода к борьбе с организованной преступностью в России с учетом сложившихся криминальных реалий и в этом отношении носит радикальный характер. Он учитывает новейшие научные разработки и рекомендации в этой области, данные уголовной статистики и правоприменительной практики, многочисленные предложения теоретиков и практиков.

Прихожу к выводу, который вытекает из анализа ситуации, связанной с организованной преступной деятельностью в России: для борьбы с ней нужны качественно новые правовые средства, разумное заимствование передового зарубежного опыта, более гармоничное законодательство и скоординированная международная политика.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абадинский Г. Организованная преступность : пер. с англ. / Г. Абадинский. — СПб., 2002. — 688 с.
2. Агапов П.В. Основы теории регламентации ответственности и противодействия организованной преступной деятельности / П.В. Агапов. — СПб., 2011. — 328 с.
3. Агапов П.В. Проблемы противодействия организованной преступной деятельности / П.В. Агапов. — 2-е изд., испр. и доп. — М., 2010. — 312 с.
4. В Генеральной прокуратуре Российской Федерации состоялось координационное совещание руководителей правоохранительных органов, посвященное вопросам противодействия организованной преступности [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-373518-1.10.2014>.
5. Гриняев С. Национальная оценка угрозы со стороны организованной преступности в США: новые тенденции [Электронный ресурс] / С. Гриняев. — Режим доступа: <http://www.fbi/stats-services/publications>.
6. Долгова А.И. Криминологические оценки организованной преступности и коррупции, правовые баталии и национальная безопасность / А.И. Долгова. — М., 2011. — 668 с.
7. Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности : принята резолюцией 55/25 Генер. Ассамблеи от 15.11.2000 г.
8. Коробеев А.И. Институт конфискации имущества как средство борьбы с коррупцией в эпоху финансово-экономических перемен / А.И. Коробеев // Уголовное право в эпоху финансово-экономических перемен : материалы 9-го Рос. конгр. уголов. права. — М., 2014. — С. 37–40.
9. Максимов С.В. Об имплементации в Уголовный кодекс РФ положений Конвенции ООН против коррупции, Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию и Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности / С.В. Максимов // Государственная политика России в сфере противодействия коррупции. — Владивосток, 2007. — С. 126–132.
10. Марченко Р.А. Из зарубежного опыта борьбы с организованной преступностью / Р.А. Марченко // Преступность: стратегия борьбы. — М., 1997. — С. 37–41.
11. Попов В.А. РИКО: современные тенденции применения и перспективы / В.А. Попов // Журнал российского права. — 2001. — № 2. — С. 125–134.
12. Свирский-Бургер И. Краткий обзор федеральных законов по борьбе с организованной преступностью в США [Электронный ресурс] / И. Свирский-Бургер. — Режим доступа: www.american.edu/traccc.
13. Сухаренко А.Н. «Российская» организованная преступность в США / А.Н. Сухаренко. — М., 2002. — 56 с.
14. Уголовное законодательство России и стран АТР: компаративное исследование. — Владивосток, 2008. — 272 с.
15. Уолш Д. Закон РИКО / Д. Уолш // Проблемы борьбы с организованной преступностью. — М., 1998. — С. 209–218.
16. Шелли Л. Транснациональная организованная преступность в США: определение проблемы / Л. Шелли // Транснациональная организованная преступность и Россия. — Владивосток, 2010. — С. 96–114.
17. Abadinsky G. Organized Crime / G. Abadinsky. — Chicago, 1997. — 569 p.
18. Cormane M. The United States and control of organized crime / M. Cormane // Transnational Law and Contemporary Problems. — 1997. — Spring. — P. 126–132.
19. Finckenaue J. U.S.-Russian Cooperation in Combating Organized Crime / J. Finckenaue, A. Sukhareno // U.S.-Russian Experts forum : Policy Brief. — М., 2008. — P. 8–10.
20. Kenney D. Organized Crime in America / D. Kenney, J. Finckenaue. — Washington, DC, 1995. — 416 p.

REFERENCES

1. Abadinskiy G. *Organizovannaya prestupnost'* [Organized crime]. St. Petersburg, 2002. 688 p.
2. Agapov P.V. *Osnovy teorii reglamentatsii otvetstvennosti i protivodeystviya organizovannoy prestupnoy deyatel'nosti* [Theory fundamentals on regulation of responsibility and fight against an organized crime]. St. Petersburg, 2011. 328 p.
3. Agapov P.V. *Problemy protivodeystviya organizovannoy prestupnoy deyatel'nosti* [Issues of organized crime activity counteraction]. 2nd ed. Moscow, 2010. 312 p.
4. *The General Prosecutor Office of the Russian Federation held a coordination meeting of heads of law enforcement agencies on the issues of organized crime counteraction*. Available at: <http://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-373518-1.10.2014>. (In Russian).
5. Grinyayev S. *Natsional'naya otsenka ugrozy so storony organizovannoy prestupnosti v SShA: novye tendentsii* [National assessment of the threat posed by organized crime in the United States: new tendencies]. Available at: <http://www.fbi/stats-services/publications>.
6. Dolgova A.I. *Kriminologicheskie otsenki organizovannoy prestupnosti i korruptsii, pravovye batalii i natsional'naya bezopasnost'* [Criminological assessment of organized crime and corruption, legal battles and national security]. Moscow, 2011. 668 p.
7. *The United Nations Convention against Transnational Organized Crime. Dated 15 November 2000. Adopted by Resolution of the General Assembly No. 55/25* (In Russian).
8. Korobeev A.I. Institute of property confiscation as a corruption confiscation measure in the period of financial and economic changes. *Ugolovnoe pravo v epokhu finansovo-ekonomicheskikh peremen. Materialy 9-go Rossiyskogo kongressa ugolovnogo prava* [Criminal law in the period of financial and economic changes. IX Russian Criminal law congress proceedings]. Moscow, 2014, pp. 37–40. (In Russian).
9. Maksimov S.V. On the implementation of the UN convention against corruption, Council of Europe Criminal Law Convention on Corruption and UN Convention against Transnational Organized Crime into the Criminal code of the Russian Federation. *Gosudarstvennaya politika Rossii v sfere protivodeystviya korruptsii* [Russian National Anti-Corruption Policy]. Vladivostok, 2007, pp. 126–132. (In Russian).
10. Marchenko R.A. From foreign experience on crime counteraction. *Prestupnost': strategiya bor'by* [Crime: fighting strategy]. Moscow, 1997, pp. 37–41. (In Russian).
11. Popov V.A. RICO: current application tendencies and perspectives. *Zhurnal rossiyskogo prava = Journal of Russian Law*, 2001, no. 2, pp. 125–134. (In Russian).
12. Svirskiy-Burger I. *Kratkiy obzor federal'nykh zakonov po bor'be s organizovannoy prestupnost'yu v SShA* [A brief overview of Federal Laws of the United States on organized crime counteraction]. Available at: www.american.edu/traccc.
13. Sukhareno A.N. «Rossiyskaya» organizovannaya prestupnost' v SShA [«Russian» organized crime in the USA]. Moscow, 2002. 56 p.
14. *Ugolovnoe zakonodatel'stvo Rossii i stran ATR: komparativnoe issledovanie* [The criminal legislation of Russia and the Asia-Pacific countries: comparative study]. Vladivostok, 2008. 272 p.
15. Uolsh D. RICO. *Problemy bor'by s organizovannoy prestupnost'yu* [Organized crime counteraction issues]. Moscow, 1998, pp. 209–218. (In Russian).
16. Shelli L. Transnational organized crime in the USA: definition of the problem. *Transnatsional'naya organizovannaya prestupnost' i Rossiya* [Russia and transnational organized crime]. Vladivostok, 2010, pp. 96–114. (In Russian).
17. Abadinsky G. *Organized Crime*. Chicago, 1997. 569 p.
18. Cormaney M. The United States and control of organized crime. *Transnational Law and Contemporary Problems*, 1997, Spring, pp. 126–132.
19. Finckenaue J., Sukhareno A. U.S.-Russian Cooperation in Combating Organized Crime. *U.S.-Russian Experts forum: Policy Brief*. Moscow, 2008, pp. 8–10.
20. Kenney D., Finckenaue J. *Organized Crime in America*. Washington, DC, 1995. 416 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Номоконов Виталий Анатольевич — профессор кафедры уголовного права и криминологии Дальневосточного федерального университета, директор Центра по изучению организованной преступности и коррупции, доктор юридических наук, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Российская Федерация; e-mail: nomokonov@rambler.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nomokonov, Vitaly A. — Professor of the Criminal Law and Criminology Department in the Far Eastern Federal University, the Director of the Center of Learning the Organized Crime and Corruption, Doctor of Law, Vladivostok, Russian Federation; e-mail: nomokonov@rambler.ru.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Номоконов В.А. Борьба с преступными организациями: американский опыт и российские реалии / В.А. Номоконов // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. — 2014. — № 4. — С. 46–53. — DOI: 10.17150/1996-7756.2014.8(4).46-53.

REFERENCE TO ARTICLE

Nomokonov V.A. The fight against criminal organizations: an American experience and a Russian reality. *Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*, 2014, no. 4, pp. 46–53. (In Russian). DOI: 10.17150/1996-7756.2014.8(4).46-53.